

УДК 316.334.3

КРИЗИС ПАНАТЛАНТИЗМА И «УСКОЛЬЗАЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социальных исследований, Российская академия наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

На основе анализа глобальной и геополитической динамики сделан вывод о том, что господство Запада, опиравшееся на идеологию и стратегию панатлантизма и продолжавшееся более чем 500 лет, было прервано существованием альтернативной силы – мирового социалистического содружества во главе с Советским Союзом – и так и не восстановилось после распада СССР. Утверждается, что кризис панатлантизма, обострение противоречий между двумя его субъектами – США и ЕС – несет серьезную угрозу миропорядку, так как США и те страны ЕС, которые безоговорочно подчиняются американскому диктату, видят решение своих проблем в увеличении силового давления на мир, которое выражается в гибридных войнах в различных регионах мира и подготовке к новой мировой войне.

Ключевые слова: панатлантизм; глобализация; миропорядок.

CRISIS OF PANATLANTICISM AND «ELUSIVE REALITY»

I. I. ANTONOVICH^a

^aInstitute of Socio-Political Researches, Russian Academy of Sciences,
6 Fotievoi Street, 1 building, Moscow 119333, Russia

The article comes to the conclusion, using the analysis of global and geopolitical dynamics, that the dominance of the West, based on the ideology and strategy of panatlantism which covered the period of more than five hundred years of world history, though interrupted by the existence of the alternative world force – the alliance of the socialist states headed by the USSR, has not been restated after falling apart of the Soviet Union. The author comes to the conclusion that the crisis of panatlantism leading to the strengthening of contradictions between its two subjects – United States and European Union contains a serious threat to the world order as the USA and the countries of the EU that are obediently following American lead see the solutions of their problems in the different regions of the world and preparing for the new world war.

Key words: panatlantism; globalization; world order.

Фраза «ускользающая реальность» принадлежит А. Меркель, которая таким образом прокомментировала трудности формирования правящей коалиции и отказ нескольких небольших партий от сотрудничества с ее партией, победившей, но не набравшей необходимого большинства голосов. Эта фраза свидетельствует о падении авторитета самой А. Меркель. Еще недавно немцы с теплотой называли ее «мама Меркель» (*Mutti Merkel*), а сей-

час в прессе нередко используют определение «бабушка Меркель» (*Grossmutter Merkel*), которое отражает уже другое отношение: вместо симпатии и надежды в нем звучит намек на то, что ей пора уходить. Когда Социально-демократическая партия Германии (СДПГ) и Христианско-демократический союз (ХДСП), наконец, подписали соглашение о коалиции (его социал-демократы должны были утвердить на съезде), немецкая печать отреагиро-

Образец цитирования:

Антонович И. И. Кризис панатлантизма и «ускользающая реальность» // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 12–20.

For citation:

Antonovich I. I. Crisis of panatlantism and «elusive reality». *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 12–20 (in Russ.).

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher.
iantonovich@mail.ru

вала еще более жестко: отмечалось, что, если съезд не удовлетворит соглашение и председатель СДПГ М. Шульц подаст в отставку, на его место придут сразу несколько столь же достойных людей, но если в отставку «выдавят» канцлера, на это место не найдут никого. Писали также, что все силы А. Меркель были растрачены на то, чтобы избавиться от соперников, а делами Германии заниматься ей было некогда. Неслучайно в академическом сообществе Германии столь сильны прогнозы ее упадка [1, р. 61–135; 2, с. 25–35]. В столицах двух ведущих держав Атлантического сообщества – Вашингтоне и Берлине – царят напряженность и конфликт, в каждой по-своему.

В западной печати, как в публицистике, так и в теоретических исследованиях, устойчиво закрепились тема институционализации кризиса как фактора современной глобализации. Если раньше об этом говорилось в контексте других государств, то сейчас панатлантисты вынуждены писать это применительно к своим странам. Все реже этому пытаются найти оправдание, подчеркивая, что глобализация подразумевает не только единство стратегии и ценностей, но и признание различий, а всякий этап кризиса должен смениться этапом подъема, однако к лучшему настроение не меняется. Ведущей идеей, характеризующей современный этап глобализации, неизменно присутствовавшей в общественном мнении США и ЕС, была идея господства панатлантизма как идеологии, системы ценностей, экономической практики, социально-политического регулирования. Нынешняя волна пессимизма, буквально захватившая общественное сознание ведущих стран этого региона, утопила данную формулу в предсказании неизбежного кризиса, упадка и опасности новой войны.

Собственно, основания для пессимистических оценок есть. Не могут выйти из политического хаоса США, где одни обвинения политиков сменяют другие, публицистические и правовые атаки на Д. Трампа чередуются с контратаками, и страна живет в состоянии нервного возбуждения с момента инаугурации нынешнего президента. Раскол общества достиг невероятных пределов. Пути к примирению не просматриваются. Одна сторона, демократическая, по-прежнему выражает надежду на то, что удастся прекратить президентство Д. Трампа выдвижением обвинений, которые смогут привести к импичменту; другая сторона, республиканская, понимает, что с досрочным уходом президента партии будет нанесен непоправимый урон, поэтому сопротивляется, намереваясь обеспечить Д. Трампу хотя бы полный первый четырехлетний срок.

В этой атмосфере на поверхность политического процесса США на передний план выходят мощные консервативные силы так называемого глубинного государства (*deep state*), которые пытаются навязать

власти курс силового восстановления влияния США в мире. Это сводится к постоянной разработке предложений по стратегическому курсу «принуждения к повиновению» всего мира целям американской внешней политики, ориентации на будущее управление глобальными процессами и т. д. В обществе обнажаются такие застарелые проблемы, как социальное неравенство, нерешенность этнических проблем, неурегулированность миграционных процессов и, самое главное, анахронизм и устарелость технологий демократической смены власти, которая давно уже не подчиняется народному волеизъявлению, став жертвой политических, избирательных и прочих технологий.

Не лучше обстоит дело и во втором столь же мощном субъекте Атлантического сообщества – ЕС. Определенный оптимизм, распространявшийся в течение длительного времени через СМИ стран ЕС со ссылкой на европейскую систему ценностей – солидарность, взаимовыручку и взаимопомощь, – сменился раздраженностью и конфликтностью, взаимными обвинениями и тоскливой оценкой будущего. В 2017 г. как для Великобритании, так и для ЕС в целом стали очевидны трагические последствия брексита. Была нарушена благостная атмосфера единства, обнаружилось, что существовала она только на поверхности.

В реальности европейская солидарность оказалась намного слабее той во многом пропагандистской схемы, которую рисовали ее идеологи. Особенно мощным ударом стал политический кризис Германии, возникший в результате неспособности на протяжении длительного времени сформировать новое правительство, ввиду того что ни одна из ведущих партий не смогла набрать квалифицированного большинства голосов. Страна, которая в течение более 10 лет перетягивала на себя реальную власть и влияние в ЕС (излюбленным было повторение немцами фразы «Германия – мотор Евросоюза») оказалась подавленной массовой эмиграцией, с которой она явно не может справиться, и параличом политической власти, чего не наблюдалось ни разу после окончания Второй мировой войны.

Сегодня в Атлантическом сообществе никто не говорит о трансатлантическом единстве и мало кто может найти доброе слово для характеристики социально-политического здоровья отдельных стран. Небольшие страны Европы продемонстрировали определенный бунт, когда отказались принять мигрантские массы, опасаясь, что будет растворено этническое единство и идентичность их народов. Ведущие страны ЕС стали «лечить» мигрантскую проблему испытанными способами: Германия выдворила из своей страны 300 тыс. беженцев, лишенных, по ее мнению, оснований просить политического убежища. Они перекочевали в соседнюю Францию, организовали там палаточные городки

и вступили в противоборство с местными властями, напоминающее акты гражданской войны.

Проблему референдума об отделении Каталонии от Испании до сих пор не удается решить в правовом поле. Это усиливает националистическую ориентацию ряда европейских стран, которая, как, скажем, в случае Венгрии и Польши, выливается во внутривнутриполитическую фронду. ЕС как международный субъект нового типа не свершился. Идеи общеевропейского дома, единой европейской солидарности, общих ценностей в некоторой степени звучат как лишённые реального содержания лозунги. Сегодня ясно, что США, скептически относящиеся к ЕС и его внутренним проблемам, рассматривали его во многом как форму «дружественного» расширения трансатлантического сообщества на восток. Когда экспансия остановилась и эта стратегия задохнулась в устойчивости украинского кризиса, все проблемы внутреннего порядка вышли на поверхность.

США и ЕС обвиняют друг друга в оказании друг другу недостаточной помощи. Рассчитывая на сочувствие избирателей (и это само по себе было индикатором отношения американцев к ЕС), Д. Трамп высказал много критических замечаний в адрес отдельных европейских стран, ЕС в целом, НАТО. Пока восстановить нити былой связи ЕС и США не удастся. Дело доходит до абсурда: на столе у Д. Трампа лежит приглашение посетить Великобританию. Повод для визита очень благоприятный – введение в строй нового помпезного здания посольства США в Великобритании стоимостью в миллиард долларов США. Однако американский президент не спешит с визитом, как бы ни уговаривали его британские власти.

Конечно, британскую сторону можно понять: выйдя из ЕС и потеряв там многие экономические преимущества, Великобритания стремится срочно компенсировать эти потери даже демонстративно близкими отношениями с США. Руководящие круги Великобритании буквально уговаривают США обратить на них внимание.

В редакционной статье одного из наиболее популярных журналов Великобритании «The Economist» в январе 2018 г. отмечалось: «Особые отношения (между США и Великобританией. – И. А.) гораздо более важны для нас, чем когда-либо со времени падения Берлинской стены. Очевидной причиной этому является брексит: другого способа ввести Великобританию в постевропейское будущее, кроме заключения новой торговой сделки с самой крупной экономикой мира, нет. Есть, конечно, и более тонкие причины. Великобритания и Америка являются чемпионами либерализма, которому нанесен большой удар со стороны популизма. Усиление их связей, которые окрепли в войнах между нациз-

мом, а потом коммунизмом, являются лучшим средством напомнить обоим странам об их общем либеральном наследии»¹ [3, р. 36].

У Великобритании есть основания для беспокойства. В ходе Второй мировой войны, в 1943 г., Рузвельт и Черчилль подписали тайное соглашение, в силу которого отныне и навеки Великобритания должна была согласовывать свои внешнеполитические и внешнеэкономические решения с США (а не наоборот!). Это вассальство в течение десятилетий доказывалось всеми руководителями Великобритании. Сейчас равнодушие США вызывает у англичан чувство недоумения и расценивается как свидетельство неблагодарности. Им трудно понять, что Д. Трамп боится приезжать в Великобританию, поскольку не желает мощного взрыва протестов: настроения рядовых англичан приняли довольно неприятное для США направление.

В журнале «The Economist» утверждалось, что надежда британского премьер-министра Т. Блэра, сговорившись с США в нападении на Ирак в 2003 г., на то, что Великобритания станет своего рода Грецией для США, как Греция в свое время была опорой для Римской империи, рухнула. Почти в отчаянии автор восклицает: «Америка значит много больше для Великобритании, чем Британия для Америки» [3, р. 36].

Геополитическая ситуация в мире дает не так много причин для оптимизма как Великобритании, так и США. Есть основания полагать, что панатлантизм, как стратегия объединения западных государств в единое геополитическое целое, входит в затяжную полосу кризиса. И в этом смысле некоторые аналогии с прошлым столетием поучительны.

Вступив в Первую мировую войну исключительно в целях раздела сфер влияния, территорий и грабежа чужих богатств, западные страны впервые четко продемонстрировали миру, что экономический интерес, стремление к прибыли и наживе определяли их политику, став источником смертоносной войны, которую сейчас называют еще «великая война» (*la grande guerre*).

США вступили в войну, когда ее исход в пользу стран Антанты был предрешен. Доводя его до победного конца, США обеспечили себе роль главного арбитра, которому во многом должны были подчиниться ведущие европейские государства, изнуренные войной. В 1945 г. ситуация во многом повторилась, с той только разницей, что Америка выступала уже не как арбитр, а как главный распорядитель делами разрушенной Западной Европы. Англия однозначно ушла из мировой политики, а другие страны Европы лежали в руинах.

США, однако, тогда беспокоило другое. По итогам Второй мировой войны впервые за 500-летнюю историю геополитического и цивилизацион-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

ного рывка Запада его господство было серьезно поколеблено. Впервые в мировой истории Советский Союз объединил под своим лидерством весь славянский мир, от Польши до Югославии, и создал себе «кордон безопасности» в Европе.

События перестройки и 1991 г., казалось, восстановили господство Атлантического сообщества, однако триумф был недолгим. Проиграв несколько войн, не добившись победы в военных акциях в Ираке, Ливии, Сирии и Афганистане, ослабленные экономическим кризисом 2008 г., фактом неспособности демократических процедур обеспечить устойчивое политическое пространство внутри западных стран, которое дало бы возможность осуществить назревшие реформы, Атлантическое сообщество столкнулось с новым кризисом и его трудной преодолимостью без решительных действий революционно-трансформативного характера. Более того, из экономической сферы кризис переместился в политическую.

Очевидно, новые лидеры, которых выдвинули демократические системы западных государств, не обладают способностью к необходимым позитивным трансформациям в обществе. Французы говорят о том, что над Атлантикой «должен повеять новый ветер» [4, р. 7]. Вновь избранный президент Франции Э. Макрон обещает восстановить европейскую солидарность, однако с учетом геополитического веса Франции всерьез это утверждение не воспринимается. Неслучайно в той же Франции говорят, что наиболее вероятным поведением стран внутри ЕС будет поиск каждым государством своего места и своей выгоды [5, р. 8].

Подобного рода кризисы случались и прежде, но рано или поздно в дело вступали США, указывали направление выхода, принуждали упорствующих к подчинению, давали кредиты особо нуждающимся, и как-то ситуация нормализовалась. В настоящее время всего этого пока нет. Известный исследователь ситуации в восточноевропейских странах, автор нескольких книг Анна Аппельбаум пришла к неутешительному для Атлантического сообщества выводу: «Той Америки, в которой нуждается Европа, больше нет» [6].

Часть европейского политического руководства постепенно начинает концентрироваться на угрозе для единства альянса и демократии в целом, которую представляет российская «стратегия влияния». Но той Америки, которая в прошлом брала на себя роль лидера в борьбе против фашизма и коммунизма, уже нет. Сейчас у США не осталось не только последователей, но и тщательно продуманной стратегии относительно лечения кризиса: «Госдепартамент Рекса Тиллерсона по сей день отказывается относиться к этой проблеме серьезно, несмотря на все требования конгресса. Но даже символического стремления к солидарности союзников и отстаиванию демократических ценностей

нет» [7, р. 37]. Но невозможно к Р. Тиллерсону относиться с большей серьезностью: до сих пор госдепартамент США находится в состоянии «глубинной трансформации», штат сокращен на 30 %, многие ведущие подразделения, занимающиеся важными направлениями внешней политики, ликвидированы. Притока новых высококвалифицированных кадров фактически нет.

Понятно, что в этих условиях в Европе с предельной озабоченностью пытаются предугадать дальнейшее развитие стратегических инициатив США. Хватает и достаточно упрощенных подходов. Например, вместо того чтобы обсуждать общую стратегию в условиях изменяющегося мира, многие аналитики в Западной Европе озабочены больше состоянием умственного здоровья Д. Трампа. Высказываются даже надежды на то, что, если удастся найти изъяны в его умственном состоянии, его можно будет отстранить от власти.

В редакционной статье журнала «The Economist» отмечалось: «Спекуляции на тему ментального здоровья президента Трампа, появившиеся сразу после его избрания, увеличились, когда он в своем “Твиттере” написал, что его ядерная кнопка “намного больше, чем кнопка Ким Чен Ина”. Более того, эту оценку он сопровождал своим традиционным самоанализом, заявив, что он является “очень стабильным гением”» [7, р. 37]. В подтверждение этих сомнений, естественно, приводится много свидетельств опытных психиатров. Понятно, что все это становится известным президенту Д. Трампу, и он дает все больше поводов для подобных сомнений все более жесткими высказываниями в «Твиттере».

От оценки Д. Трампа аналитики переходят к гораздо более серьезному вопросу, указывая на процесс «эрозии американского величия». Правда, осуществляются и попытки более осторожного оптимистического взгляда на ситуацию. Известный аналитик Р. Коэн опубликовал в немецком журнале «Der Spiegel» статью под названием «Дональд Трамп и эрозия американского величия», в которой не отрицает сам факт «эрозии», но сводит его пока к незначительным признакам. Эксперт пытается успокоить европейцев, утверждая, что при всем радикальном тоне заявлений Д. Трампа ничего, что серьезным образом ухудшило бы положение США в мире, он не сделал: «При всех злых высказываниях американского президента пока стены на границе с Мексикой не появились, НАТО больше не считается “устаревшим” (по крайней мере, на пару дней в неделю), а политика “одного Китая” отнюдь не была отменена. Соглашение по ядерной иранской программе существует, несмотря на громкие заявления Трампа о том, что он отказывается его ратифицировать. А посольство Соединенных Штатов по-прежнему в Тель-Авиве, а Североамериканское торговое соглашение (НАФТА. – И. А.) так и не отменено. Пока даже заявление Трампа о выходе из

парижского соглашения по климату повисло в воздухе» [8, p. 94].

Вряд ли это успокоит панатлантическую общечеловеческую ответственность, что чувствуют многие и в Вашингтоне. Недавно Атлантический совет издал важнейший аналитический документ «Стратегический доклад Атлантического совета № 13», который назвали «Стратегией ремонта американской политической культуры» [9]. Конечно, слово «ремонт» звучит грубовато для такой почтенной организации, но в оригинале употреблено именно оно – *repairing*. Ремонта, по убеждению авторов доклада, требует политическая система.

В качестве причин американской болезни называются все более грязные избирательные кампании, рост коррупции, влияние «больших денег» в американской общественной жизни, дисфункции существующих управленческих структур, чрезвычайная «распушенность» масс-медиа, роль технологий в политическом упадке, культурная деградация. Главный вывод авторов доклада состоит в том, что США подвергаются серьезным угрозам как извне, так и изнутри.

Общая характеристика этих угроз такова: «Политическая система, которая когда-то создала сильную, процветающую и единую нацию, подвергается кризису, испытывает противоречия. Избирательные кампании превратились в прибыльную индустрию для богатых и лиц с хорошими связями. А сам избирательный процесс потерял свое былое значение выбора в пользу рекламной активности (в оригинале – *showmanship*. – И. А.). Политиков больше заботит их собственное переизбрание, чем забота об интересах своих избирателей. Масс-медиа оказались силами, формирующими плохие американские привычки превращения политики в реалити-шоу. Технологии создали многочисленные структуры влияния, которые мешают нашей необходимости достижения политического консенсуса. Без оздоровления, без глубинного оздоровления Америки сильно пострадают ее интересы в мире. Наши партнеры в мире видят, что Америка потеряла свою ориентацию в изменяющемся миропорядке» [9, p. 1].

Жесткая вступительная оценка подтверждается конкретным анализом по всем направлениям деятельности в политике, экономике и даже в культуре. Есть, конечно, и оптимистические выводы, но больше всего достается в этом анализе политической структуре США: механизмы развала американской политической машины сложны, но их определить достаточно легко. Питательным источником для них являются деньги, которые обеспечивают функционирование сложных комплексов частей, подобно тому как бензин движет цилиндрами механизма автомобиля. В основе всего этого лежит электоральная индустрия, гораздо большая, чем две политические партии, лица, за-

нимающие выборные должности, и кандидаты: «Существует своеобразный избирательный картель, который охватывает крупные формирования чиновничества, занимающегося избирательными кампаниями, кадры групп специальных интересов по обеим сторонам (Демократическая, Республиканская партии. – И. А.). Их благополучие столь тесно переплетено с этой моделью постоянного конфликта, сфокусировавшегося на деньгах и власти <...>. Постоянные избирательные кампании... вертикали власти дезориентируют общество, мешают общественным формированиям и организациям заняться внимательным анализом проблем и серьезно подумать над их устранением... Они приходят извне (как в большинстве политических документов последнего времени. – И. А.), от Китая и России: друзья и поклонники за рубежом начинают высказывать сомнения, заслуживает ли американская модель того, чтобы ее копировать? Многие глядят в сторону Китая и России, надеясь на то, что обновление придет оттуда. Противники свободы пользуются этим и активно используют внутренние конфликты США в целях обрушения их мировой роли и компрометации идеи демократии изнутри. Именно в силу этого внутривнутриполитические реформы стали серьезным национальным и интернациональным императивом безопасности» [9, p. 6–10].

В том же тоне выдержан весь доклад, в нескольких местах высказывается одна и та же пессимистическая оценка: «Подавляющее большинство американцев полагают, что Америка идет в неправильном направлении. Недавнее исследование общественного мнения показывает, что меньше, чем один из пяти опрошенных признает, что правительству можно доверять все время, а большинство американцев считают, что доверия не заслуживают и политические лидеры. Мир взирает на самоуничтожение США и неспособность решить проблемы со все увеличивающимся беспокойством» [9, p. 12].

Авторы скрупулезно разбирают ситуацию в сфере государственного управления и бизнеса, чтобы обосновать свои неутешительные выводы, и это приводит к весьма пессимистическим оценкам американского будущего. И что уж совсем невероятное для такого солидного исследования, в нем делаются неожиданные заключения о конце господствующего положения Запада в современном мире: «Совсем недавно лица, формирующие политику Соединенных Штатов, говорили о том, что Китай должен стать ответственным членом того, что они по-прежнему рассматривали главным образом западный мир. Сегодня понятие “Запад” находится под угрозой, а Китай образует свою собственную волну в мировом пространстве. Ситуация обстоит так, что не Китай и Россия подчиняются Западу, а Западу следует адаптироваться к миру, который движется уже не в западном направлении. Китай трансформирует геополитический расклад карт

своей инициативой как раз тогда, когда западное содружество переживает потрясение от брексита, а президент Соединенных Штатов подвергает сомнению нынешнее международное положение и поведение США» [9, p. 14].

Вывод авторов жесткий и недвусмысленный: «Воссоздание мира, управляемого Западом, все больше кажется невозможным. Более того, события в США и Европе в 2016–2017 гг. позволяют сомневаться в том, что западная общественность даже заинтересована в западной гегемонии» [9, p. 21].

Характерно, что этот доклад быстро исчез с сайта Атлантического совета. Однако он успел поразить многих, кто следит за развитием ситуации в США и Атлантическом сообществе, своей открытостью, категоричностью анализа и фактическим отсутствием конкретных программ ликвидации кризиса. Зато новый 2018 год начался поисками виновных. Понятно, что в этом случае акцент сдвигается с Китая на Россию.

Сделан общий вывод о том, что дезорганизованность стран Атлантического сообщества не только подрывает всю стратегию панатлантизма, но и открывает их для возможных военных ударов со стороны России. В начале 2018 г. Д. Трамп предпринял целый ряд акций по укреплению своей непрочной репутации, которые выделяют Россию не просто как главного соперника (об этом уже давно не идет речи), а в качестве врага. В стратегии национальной безопасности, принятой администрацией Д. Трампа и утвержденной Конгрессом США, Россия фигурирует в качестве врага США вместе с Ираном и Корейской Народной Демократической Республикой.

В принятой стратегии ядерной безопасности, предусматривающей постоянное наращивание вооружений и возможность нанесения ядерного удара, в случае если военное сообщество США сочтет это необходимым, также подразумевается Россия как страна, обладающая наиболее сильным ядерным потенциалом. Говоря о противодействии России и Китая миропорядку, якобы созданному США в последнее десятилетие, Америка фактически восстанавливает двухполюсное (возможно, трехполюсное) противостояние.

О двухполюсном противостоянии может идти речь в том случае, если бы Россия и Китай дополнили общую внешнеполитическую стратегию экономического, военного и политического взаимодействия. Поскольку это маловероятно, то, похоже, США рассчитывают на то, что будет создан трехполюсный мир, в котором Китай и Россия станут не соперниками, а стратегическими противниками. Это означает фактически восстановление ситуации холодной войны с вероятностью ядерного столкновения в том случае, когда американские военные определят, что им серьезно угрожают отдельно Россия или Китай.

Впрочем, если и следить за дискурсом американской печати и выводами различных аналитиков, то уже сегодня Китай и Россия якобы хотят придать миру очертания, противоположные американским ценностям и интересам. И хотя США говорят, что готовы сотрудничать в контексте своих стратегических задач отдельно с Россией и Китаем, руководство страны не считает, что противостояние благодаря этому изменится. Очевидно, США боятся, что Китай и Россия бросят серьезный вызов американским геополитическим целям и попытаются изменить миропорядок в свою пользу.

Понятно, что, когда такая позиция вырабатывается в качестве стратегической инициативы, заверения в том, что у США на самом деле нет «скрытого» интереса, не играют никакой роли. Логическим выводом из этого становится необходимость, неизбежность новой войны. Именно на это нацеливают сегодня общественность многочисленные социологические, политологические проекты. Упомянутый нами журнал «The Economist» посвятил этому специальный доклад в качестве своего редакционного материала. В нем достаточно категорично высказана одна ведущая идея: «Сегодня неизбежна, реальна возможность конфликта, по масштабам и интенсивности невиданного со времен Второй мировой войны, а мир к этому не подготовлен» [10].

Именно этим английские авторы объясняют и оправдывают намерения Пентагона разрабатывать стратегию нанесения упреждающего удара исходя не из реальной опасности, а из целесообразности. При этом они хорошо понимают, что даже небольшой конфликт может вызвать мировую схватку. И главная задача этой войны авторами видится в том, чтобы не дать Китаю и России играть даже региональную роль.

Из этого, конечно, не следует, что война неизбежно начнется в ближайшем будущем. Речь идет только о возможности. Однако формируется мощный призыв к гонке вооружений, так как за последние 20 лет войн без успеха, которые ведут США и Великобритания (привлекая к этому союзников по НАТО), в этих странах серьезным образом ухудшилось отношение к войнам в общественном мнении.

По утверждению редакции журнала «The Economist», местом возникновения региональных конфликтов, которые могут вызвать мировое противостояние и которые неизбежно приведут к ядерным конфликтам, являются так называемые серые зоны – государства, в которых существуют неурегулированные этнические отношения, социально-экономический кризис и другие проблемы. Первыми своего рода репетиционными сценариями возможной будущей тотальной войны предполагается ведение гибридной войны, которую авторы доклада определяют как синтез информационно-пропагандистского, политического и социально-эко-

номического воздействия на страну-изгоя в целях производства там смены власти или серьезных внутриэкономических, политических трансформаций, чтобы вернуть ее назад в сферу западного миропорядка.

Авторы не скрывают, что подобного рода гибридные войны осуществлялись в форме цветных революций в Югославии, Кыргызстане, Грузии, Молдове, а сейчас трансформировались в затяжной конфликт в Украине, который, скорее всего, может привести к прямому военному противостоянию между Россией и Украиной, которое рано или поздно выльется в общеевропейский и глобальный конфликт.

Редакция признает невысокую эффективность гибридных войн. Далеко не везде, где они начинались, их итогом была смена политического режима. И почти везде, где такая смена состоялась, серьезных улучшений в экономическом положении или торжества демократических свобод не произошло. Авторы, однако, это не смущает, они лишь добавляют, что гибридные войны для повышения результативности обязательно должны закончиться локальными военными конфликтами. С учетом того, что в современном мире большинство населения живет в городах, такие конфликты планируются именно для городской местности. С подлинной английской добросовестностью авторы обсуждают техническую оснащенность вооруженных сил – производство вертолетов с небольшим размахом крыльев, чтобы они были способны к оперативному военному действию на улицах, танков уменьшенных размеров, производство новых видов дронов, роботов, самоуправляемых орудий и т. д.

Безусловно, в качестве оправдания упоминается военно-политическое поведение Китая и России на мировой арене, а не собственные национальные и стратегические цели государств – членов Атлантического сообщества: «Главной причиной, по которой военное столкновение великих держав стало гораздо более вероятным, чем в любое время после холодной войны, является то, что Россия и Китай недовольны существующим положением и намерены изменить условия с западной моделью международного порядка, управляемого Америкой, который, по мнению этих двух держав, не отвечает их законным интересам. В прошлую декаду оба государства интенсивно инвестировали в модернизацию своих вооруженных сил, смело при этом используя уязвимые места в стратегии западной обороны, и мобилизуют свои усилия для того, чтобы помешать Америке осуществлять свою власть в тех регионах, которые они считают сферой своего влияния. Обе страны продемонстрировали способность применять силу к ближайшим соседям. Лидеры обеих стран выражают, формулируют стремление населения к возрождению национального могущества и международного уважения. И оба ли-

дера получают от этого позитивную домашнюю реакцию. Они, конечно, отличаются. Россия является увядающей страной демографически и экономически, во главе с лидером-оппортунистом; Китай является поднимающейся силой, которая временами видит себя равной Америке, а иногда даже превосходящей» [10].

Субъективность этих оценок очевидна, ибо ни в одном руководящем документе или стратегических концепциях Китая или России не сформулировано стремление противостоять американскому влиянию, ущемлять американские интересы или разрушать американское лидерство. В конце концов, способность к лидерству – это внутренние возможности и политика страны, и серьезным образом противостоять им не так уж просто.

С одной стороны, авторы доклада готовы понять, скажем, что расширение НАТО на Восток серьезным образом усложнило стратегическое положение России и создало довольно ощутимые угрозы. С другой стороны, право России отвечать на эти угрозы отрицают. Аналитики признают, что Китай равен США, а иногда и превосходит их по ряду общественно-политических измерений своей роли в глобальном экономическом и финансовом пространстве, но отрицают право Китая формулировать свои интересы в глобальном миропорядке.

Таким образом, складывается своеобразный международный тупик, из которого вытекает неизбежность мирового столкновения, так как панатлантизм отрицает право других ведущих держав развиваться в соответствии со своими национальными интересами, и всякое их движение в направлении изменения позиции в миропорядке рассматривается как непозволительное.

Однако в условиях, когда Д. Трамп объявил лозунг «Америка превыше всего», в военной стратегии США интересы союзников тоже отходят на второй план. Авторы доклада «Следующая война» утверждают: «Военные игры, проведенные корпорацией RAND в 2015 г., привели к выводу о том, что в случае нападения России НАТО, несмотря на предыдущие заявления, не сможет успешно защищать территорию своих наиболее уязвимых членов. НАТО увеличило свое присутствие в балтийских государствах и Польше, но, скорее всего, этого недостаточно, чтобы изменить вывод доклада RAND о том, что русским потребуется самое большое 60 часов, чтобы пройти через территорию, достичь столицы Латвии и Эстонии» [10].

Казалось бы, это серьезное предупреждение для балтийских стран и Польши о том, что те небольшие контингенты войск, которые находятся сегодня на их территории, не просто не способны защищать эти страны, но даже и не собираются делать это. Более того, несколько исследований «Фонда Пью» обнаружили, что в США только меньшинство населения считает, что в случае глобального во-

енного конфликта они должны действовать в соответствии со ст. 5 Устава НАТО, который предполагает, что нападение на одну из стран – членов НАТО рассматривается руководством организации как нападение на нее в целом. Это должна быть отрезвляющая новость для стран Балтии, которые в последнее время настоятельно запрашивают все новые и новые контингенты НАТО для размещения на своей территории, что колоссально увеличивает опасность военного столкновения именно на их территории ввиду ошибок или неправильных расчетов, но никак не обеспечивает большую защищенность этих стран.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что стратегия панатлантизма, направленная на мировое доминирование в условиях потери странами – членами альянса важных глобальных ресурсов, способных это доминирование обеспечить, создает весьма серьезную, ранее неизвестную ситуацию «закупоренного пространства», где странам, успешно решающим задачи своего развития, не дается возможность занять подобающую им роль в глобальном миропорядке, а страны, настроенные на сохранение своего господства любой ценой, превращаются в реакционную силу мирового процесса.

Опасность возрастает ввиду увеличения факторов возможных ошибок, просчетов и даже параноидальных поступков отдельных лидеров с целью укрепить свое влияние в мире. Нагнетание атмосферы противостояния, ставшее отличительным признаком политики Белого дома в отношении к странам-соседям, партнерам и конкурентам, только по видимости играет пропагандистскую роль. Оно переформатирует мировое пространство в сложные структуры противостояния, где мировой конфликт может разгореться от одного неосторожного выстрела. Паника, охватившая Гавайские острова в канун Нового года ввиду ошибочного сигнала о ядерной опасности, говорит о том, какой на самом деле хрупкой и уязвимой является система электронно-цифрового регулирования вооруженных сил, накопленных миром.

В этих условиях необходимостью является новая серия переговоров по сближению интересов ведущих государств мира в целях ликвидации многочисленных мировых проблем, число которых не

уменьшается, а только возрастает. Вопиющее социально-экономическое неравенство во всех странах, коррупция политических систем, мешающая реализации национальных программ развития, возрастающая политическая роль военных, заинтересованных в увеличении своих бюджетов и тем самым создающих крайне напряженную ситуацию, когда военная динамика может обрести свою собственную логику, а движение конфликтов станет необратимым, это мощный конфликтный потенциал глобальных масштабов.

Серьезным ударом по международному переговорному процессу и функционированию структур миротворчества является потребительское отношение США к международным организациям – ООН, ВТО и ЮНЕСКО, когда за незначительные поступки и решения, которые почему-то могут вызвать неудовлетворение правящих кругов США, они подвергаются унижительным и разрушительным экономическим санкциям и политическому давлению, торможению в реализации их программ.

Десятилетия спустя после распада Советского Союза мир стал значительно менее безопасным, антагонизмы мировых сил обостряются, военный конфликт входит в глобальную повестку дня. Эти итоги глобализации неожиданны для всех. Позитивная настроенность на создание общемировых систем, производственно-экономического, финансового, информационно-коммуникационного сотрудничества дополнилась стремлением мировых держав к установлению господствующего влияния над ними в условиях, когда экономические, политические, логистические возможности этих держав ослаблены.

Ведущую роль в этой стратегии нового доминирования пытается играть Атлантическое сообщество. В условиях, когда большинство стран этого сообщества не хотят новой конфронтационной ситуации в мире, такая политика порождает крупные внутренние противоречия в региональных и глобальных союзах, организуемых им. Идеология панатлантизма, направленная на глобальное доминирование, вошла в зону затяжного кризиса. Это становится все более очевидным государствам мира, однако лидеры панатлантизма пока не в состоянии признать эти негативные для них процессы, что создает новые глобальные опасности для миропорядка будущего.

Библиографические ссылки

1. *Steingart G.* Deutschland. Das Abstieg eines Superstars. Muenchen : Piper Verl., 2004.
2. *Сарацун Т.* Германия самоликвидируется. М. : АСТ, 2013.
3. This is a bad time for Angelo // *The Economist*. 2018. Jan. 20th.
4. *Markarian Ch.* Vent nouveau sur Atlantique // *L'Express*. 2017. Jul.
5. *Levade A.* Chacun cherche sa place // *L'Express*. 2017. Jul.
6. *Appelbaum A.* The America Europe needs right now is missing // *The Washington Post*. 2018. Jan. 14th. P. 6.

7. What's on the President's mind // *The Economist*. 2018. Jan. 13th.
8. Cohen R. Donald Trump and the Erosion of American Greatness // *Der Spiegel*. 2017. Novemb. 6th.
9. A Strategy for Repairing America's Political Culture // *Atlantic Council Strategy Paper*. 2017. № 13 (Novemb.). P. 1–21.
10. The next war // *The Economist*. 2018. Jan. 27th.

References

1. Steingart G. Deutschland. Das Abstieg eines Superstars. Muenchen : Piper Verl., 2004 (in Ger.).
2. Saratsin T. Germaniya samolikvidiruetsya [Gernany self-destruction]. Moscow : AST, 2013 (in Russ.).
3. This is a bad time for Angelo. *Economist*. 2018. Jan. 20.
4. Markarian Ch. Vent nouveau sur Atlantique. *L'Express*. 2017. Jul.
5. Levade A. Chacun cherche sa place. *L'Express*. 2017. Jul.
6. Appelbaum A. The America Europe needs right now is missing. *The Washington Post*. 2018. Jan. 14th. P. 6.
7. What's on the President's mind. *Economist*. 2018. Jan. 13th.
8. Cohen R. Donald Trump and the Erosion of American Greatness. *Der Spiegel*. 2017. Novemb. 6th.
9. A Strategy for Repairing America's Political Culture. *Atlantic Council Strategy Paper*. 2017. № 13 (Novemb.). P. 1–21.
10. The next war. *Economist*. 2018. Jan. 27th. P. 24.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2018.
Received by editorial board 16.02.2018.